

Говард Филлипс Лавкрафт

Затаившийся страх

(The Lurking Fear)

I. Тень на печке

В ночь, когда я направлялся в заброшенный особняк на Горе Бурь, чтобы понять, что же такое этот затаившийся страх, в небе гремели грозовые раскаты. Я был не один: страсть ко всему сверхъестественному и ужасному тогда еще не сопровождалась тягой к безрассудному риску, которая впоследствии превратила мою жизнь в нескончаемую цепь опасных предприятий и в литературе, и в жизни. Со мной были два преданных и мужественных друга, призванных мною, когда пришла на то пора. Эти люди и раньше сопровождали меня в моих небезопасных вылазках – именно в таких спутниках я нуждался.

Мы покинули селение, соблюдая строжайшую конспирацию, чтобы не привлечь внимания журналистов: те так и кружили вокруг в надежде что-нибудь пронюхать после кошмарных событий прошлого месяца, прозванных «ползучей смертью». Впоследствии я жалел, что ускользнул от репортеров – их присутствие могло пригодиться. Прими они участие в нашем походе, мне не пришлось бы так долго хранить одному ужасную тайну из страха прослыть сумасшедшим или рехнуться на самом деле. Теперь, позволив наконец себе выговориться, чтобы не стать законченным маньяком, я жалею, что не сделал этого раньше. Ведь только одному мне известно, что таит в себе эта безлюдная таинственная гора.

Проехав в автомобиле несколько миль по холмистой, заросшей девственным лесом местности, мы оказались у подножья горы. Во мраке ночи это место выглядело еще более зловещим, чем днем, при обычном теперь стечении любопытствующего народа. Мы с трудом сдерживались, чтобы не включить фары, свет которых мог бы привлечь внимание. Чем-то необычным веяло от этого ночного пейзажа, и мне кажется, я почувствовал бы некую скрытую опасность, даже ничего не зная о случившемся здесь ужасном событии. Никакой живности поблизости не было – звери, как никто, ощущают близость смерти. Старые, иссеченные молниями деревья казались неестественно большими и искривленными, остальная же растительность была на удивление роскошной и обильной. Странные продолговатые холмики и бугры, возвышающиеся над землей, кое-где глубоко взрытой, а кое-где заросшей сорной травой, напоминали своими очертаниями гигантских змей и человеческие черепа.

Страх поселился на Горе Бурь более ста лет назад. Об этом я узнал из газетной статьи о жутком событии, впервые привлечшем внимание к небольшому селению в той части Катскиллских гор, которую датчане цивилизовали лишь слегка, как бы мимоходом, и ушли, оставив после себя несколько теперь уже разрушенных временем особняков и разбросанные тут и там по склонам жалкие лачуги скваттеров. Так называемые нормальные люди редко сюда заглядывали, потом, правда, эти места стали навещать

патрули государственной полиции, впрочем, нельзя сказать, чтобы часто. О затаившемся страхе местные жители наслышаны чуть ли не с самого рождения. Даже выбираясь за пределы родных мест, эти полукровки постоянно толкуют о нем на корявом своем наречии, когда пытаются выменять самодельные корзины на предметы первой необходимости – ведь они не умеют ни стрелять дичь, ни выращивать злаки, ни делать еще что-нибудь путное.

Затаившийся страх угнездился, по слухам, в уединенном и заброшенном особняке Мартенсов, стоящем на вершине высокого пологого холма, обладающего способностью притягивать к себе грозы и получившего поэтому название Горы Бурь. Уже более ста лет об этом старинном каменном доме, расположенном посреди небольшой рощицы, ходили жуткие слухи. Рассказывали страшные истории об обитающей здесь бесшумной ползучей смерти, выбирающейся на свет божий каждое лето, и о некоем демоне, похищающем во тьме одиноких путников. Иногда он уносил их с собой, а иногда тут же безжалостно загрызал. Понизив голос, скваттеры рассказывали также о кровавых следах, ведущих к уединенному особняку. Некоторые считали, что именно гром вызывает затаившийся страх из его убежища, другие утверждали, что гром – это его голос.

Люди со стороны не верили этим противоречивым рассказам. Да и описание самого демона, хоть и было впечатляющим, тоже вызывало сомнения. И все же никто из фермеров и жителей ближайших деревень не сомневался, что в особняке Мартенсов водится нечистая сила. Они упорно стояли на своем, хотя ни один из смельчаков, попытавшихся на месте проверить их полные ужасающих подробностей рассказы, не нашел в особняке ничего подозрительного. Старухи рассказывали захватывающие истории о призраке Мартенса; упоминалось при этом и само семейство, с его наследственной чертой – разного цвета глазами, и преступные деяния этого рода, которые увенчались неслыханным по коварству убийством, навлекшим на него проклятье.

Лично меня привлекло сюда неожиданное и ужасное подтверждение одной из самых невероятных местных легенд. Однажды летней ночью после необычайно сильной грозы вся округа была разбужена неким фермером, в панике примчавшимся в селение. Вскоре все уже вопили и стонали, нисколько не сомневаясь, что на них надвигается беда. Никто еще ничего не видел собственными глазами, но по крикам, доносившимся из ближайшей деревушки, все поняли, что ползучая смерть объявилась снова.

Поутру жители поселка вместе с полицейскими и дрожащими от страха скваттерами проследовали к месту бедствия. По деревушке действительно прошла смерть. После сокрушительного удара молнии земля осела, разрушив несколько самых ветхих строений, однако обилие человеческих жертв затмило все материальные разрушения. Из семидесяти пяти человек никто не остался в живых. Развороченная земля смешалась с кровью и кусками человеческих тел, на которых были четко видны следы зубов и когтей демона, – но странное обстоятельство: от места этой страшной бойни не вели никакие следы. Полиция пришла к выводу, что здесь побывал некий чудовищный зверь. Теперь уже никто не пытался отнести это загадочное преступление на счет злодейских убийств, обычных в таких примитивных сообществах. Эта версия, правда, возникла снова, когда выяснилось, что среди мертвых отсутствуют останки двадцати пяти человек, но тогда

возникал вопрос: как эти двадцать пять сумели погубить вдвое большее число людей? В конце концов порешили, что в ту летнюю ночь сошла с небес кара Господня, оставив после себя мертвую деревушку, усеянную чудовищно изуродованными, в клочья разорванными и растерзанными телами.

Насмерть перепуганные люди немедленно связали случившееся с подозрительным домом Мартенсов, хотя до него было свыше трех миль. Полиция отнеслась к этой версии скептически, но все же формальности ради обследовала особняк, ничего там не нашла и потеряла к нему всякий интерес. Крестьяне же, напротив, проявили поразительное усердие: перевернули весь дом, вырубили кусты, а также обследовали все ближайшие пруды и речушки, прочесали вокруг леса. Но все впустую – ползучая смерть не оставила никаких следов.

Уже на второй день газетчики пронюхали об этом кошмарном событии и буквально наводнили Гору Бурь. Они расписали случившееся во всех подробностях, не умолчав и о страшных легендах, рассказанных им сельскими стариками. Занимаясь проблемами сверхъестественного, я внимательно следил за развитием событий и спустя неделю, 5 августа 1921 года, почувствовав, что атмосфера сгущается, прибыл в Леффертс-Корнерз, ближайший к Горе Бурь и району поисков поселок, и остановился в гостинице, прямо-таки кишевшей репортерами. Спустя три недели почти все журналисты разъехались, и я со своими друзьями мог начать свое опасное расследование, опираясь и на рассказы очевидцев, и на собственные предварительные выводы.

И вот летней ночью под шум отдаленных раскатов грома, оставив автомобиль у подножья, мы начали восхождение на Гору Бурь. Наконец наши фонарики вырвали из тьмы укрывшиеся среди могучих дубов призрачные серые стены. В неясных проблесках света, лишь изредка раздвигающих черноту ночи, громадное квадратное здание наводило ужас еще больший, чем днем. И все же моя решимость убедиться в правоте своих предположений не поколебалась. Я был убежден, что именно гром вызывает демона смерти из его тайного убежища, и хотел знать, появляется ли он во плоти или же в виде плазмообразного сгустка зла.

Заранее изучив обветшавший дом, я продумал план действия. Местом для наблюдений я избрал комнату Яна Мартенса, об убийстве которого так много говорилось в местных преданиях, интуитивно чувствуя, что жилище этой давней жертвы более всего подходит для моих целей. В этой комнате площадью около двадцати квадратных метров сохранился разный хлам, бывший когда-то мебелью. Комната была расположена на втором этаже южной части особняка, большое окно выходило на восток, окно поменьше – на юг. На обоих не было ставен, не говоря уже о стеклах. Напротив большого окна стояла громадная голландская печь, изразцы которой живо воспроизводили легенду о блудном сыне; напротив маленького – просторное, встроенное в нишу ложе.

Гром, заглушаемый прежде листвой деревьев, здесь гремел вовсю, и я приступил к дальнейшим предусмотренным мною действиям. Прежде всего прикрепил к карнизу большого окна три принесенные с собой веревочные лестницы, предварительно убедившись, что они достигают земли. Затем мы втроем приволокли из соседней комнаты массивный остов кровати и приставили его вплотную к окну. Набросав лапника, мы устроились на нем с оружием. Двое дремали, один был на страже. Откуда бы ни

появился демон, отступление нам гарантировано. Если он объявится изнутри дома, мы воспользуемся веревочными лестницами, если снаружи – будем отступать по коридорам. Исходя из того, что нам было известно, мы полагали: даже в самом худшем случае демон не станет долго преследовать нас.

Я бодрствовал с полуночи до часу, но потом, несмотря на зловещую атмосферу дома, выбитое окно и приближающуюся грозу, почувствовал непреодолимую сонливость. Я лежал посередине, Джордж Беннет – у окна, а Уильям – ближе к печи. Беннет спал, похоже, не совладав с той противоестественной сонливостью, которую испытывал и я. Дежурил Тоби, хотя он тоже клевал носом. Интересно, что все это время я и в полузабытьи все-таки не сводил глаз с печи.

Нарастающие раскаты грома, видимо, повлияли на мои сновидения – даже за тот короткий отрезок времени, что я дремал, меня одолевали апокалиптические картины. Разбудил меня сильный удар в грудь – спящий у окна непроизвольно толкнул меня. Еще не совсем проснувшись и не сориентировавшись, спит Тоби или бодрствует, я почувствовал недоброе. Никогда прежде мне не доводилось так отчетливо испытывать почти физическую близость Зла. Все же я забылся опять, но из пучины видений меня вырвал на этот раз истошный, полный отчаяния крик, с которым не могло сравниться ничто из слышанного мною когда-либо. Казалось, этим криком исторгнуты все потаенные страхи и боль человеческой души, очутившейся у самых врат небытия. Проснулся я в мучительном, волнами накатывающем страхе, с ощущением, что мне глядит в лицо само кровавое безумие с издевательским оскалом сатанизма. Было темно, но пустующее справа от меня место говорило, что Тоби исчез. Тяжелая рука соседа слева все еще лежала у меня на груди. Раздался оглушительный удар грома, потрясший до основания всю гору, огненная молния проникла в самые укромные уголки развалившихся склепов и расколола надвое старейшину среди скосбоченных гигантских деревьев. В зловещем отблеске чудовищной вспышки лежащий рядом резко поднялся. Его тень упала на печь, куда был устремлен мой взгляд. Боже, что я увидел!.. То, что я остался жив и невредим, – необъяснимое чудо. Тень принадлежала не Джорджу Беннету или какому-нибудь другому человеку, а мерзкому чудовищу, восставшему из самых глубин ада, – безымянному, бесформенному и гнусному созданию, которое немислимо представить себе или описать. Через секунду я уже был в комнате один – дрожащий от страха, бормочущий невзвезд что. Джордж Беннет и Уильям Тоби безвозвратно пропали, не оставив даже следов борьбы. Больше о них никто не слышал.

II. Прогулка в грозу

После ужасных событий в затерянном среди леса загадочном особняке я долгое время лежал совершенно больной в гостиничном номере, не покидая Леффертс-Корнерз. Не помню, как в ту злосчастную ночь добрался до автомобиля, как завел его, как добрался незамеченным до поселка. В памяти остались только пугающие очертания громадных деревьев, дьявольские раскаты грома и зловещие тени на могилах вокруг этого жуткого места.

Вспоминая с содроганием омерзительную тень, я понимал, что заглянул в глубочайшую, непостижимую бездну – ту, о существовании которой мы можем только

догадываться по неясным знакам, доходящим до нас из сокровенных недр бытия. Наше ограниченное восприятие не позволяет нам, к счастью, взглянуться в этот мир пристальнее. Мне трудно понять, чью тень я видел на печи. Кто-то лежал между мной и окном, но, как только я пытаюсь понять, кто это был, меня охватывает ужас. Лучше бы оно зарычало. Или залаяло. Или захохотало – все бы хоть чуть-чуть снялся тот безграничный ужас; но оно молчало. А эта тяжелая рука – или нога? – у меня на груди... Она была живой... или когда-то живой... Ян Мартенс, чью комнату мы заняли, покоится на кладбище неподалеку от дома... Нужно отыскать Беннета и Тоби, если только они живы... Почему он унес их, а не меня? И почему мной овладела тогда такая сонливость, а сны были полны кошмаров?..

Вскоре меня неудержимо потянуло поделиться с кем-нибудь пережитым, чтобы не сойти с ума. К тому времени я уже решил, что непременно продолжу поиски затаившегося страха, полагая, в опасном заблуждении, что неопределенность всегда хуже самого страшного знания. Теперь следовало обдумать, кому можно поведать свои зловещие заключения и каким образом выследить то, что похитило двух людей и отбрасывало столь чудовищную тень.

Моими ближайшими знакомыми в Леффертс-Корнерз оставались общительные журналисты, кое-кто из них еще жил в гостинице, лоя отголоски недавней трагедии. Решив отыскать среди них конфиденнта, я размышлял, кому отдать предпочтение, и наконец остановился на Артуре Манро, смуглом худощавом человеке лет тридцати пяти, чье образование, интересы, ум и темперамент говорили об отсутствии косности и предвзятости.

И вот как-то днем в начале сентября Артур Манро выслушал мою исповедь. С самого начала было видно, что история заинтриговала и даже захватила его, а после завершения рассказа он проанализировал случившееся, проявив изрядный ум и здравый смысл. Более того, совет его не торопиться и тщательно изучить все исторические и географические свидетельства, связанные с домом Мартенсов, – был чрезвычайно полезен. По его инициативе мы прочесали всю округу в поисках информации о таинственной семье Мартенсов и нашли человека, владевшего некоторыми весьма красноречивыми документами. Мы много беседовали с теми горными жителями, которые не сбежали от всех этих бед в более спокойные районы, а также методично и скрупулезно обследовали места, особенно часто упоминавшиеся в легендах скваттеров.

Первое время результаты наших поисков были неясны для нас самих, хотя при тщательном анализе кое-что вырисовывалось. Самое главное – большинство ужасных событий случалось неподалеку от заброшенного особняка или окружающего его мрачного леса с поразительно обильной растительностью. Исключения, правда, бывали – например, упоминавшееся мною кошмарное происшествие произошло на открытом месте, вдали от особняка и зловещего дома.

Относительно же природы и внешних примет затаившегося страха мы ничего не могли добиться от темных и запуганных обитателей горных хижин. Они называли его то змеем, то великаном, то демоном, прилетающим вместе с громом, то летучей мышью, то хищной птицей, то шагающим деревом. Из всего этого мы сделали вывод, что это живой

организм, очень чуткий к электрическим разрядам, и хотя в некоторых историях ему приписывали крылья, все же его нелюбовь к открытым пространствам говорила за то, что передвигается он по земле. Единственное, что нарушало стройность нашей теории, так это способность существа перемещаться с огромной скоростью: только так оно могло совершить все приписываемые ему деяния.

Узнав скваттеров поближе, мы даже полюбили их. Это были примитивные создания, опускавшиеся все ниже и ниже по эволюционной шкале из-за плохой наследственности и удушающей изоляции от остального человечества. Хотя они побаивались новых людей, но вскоре привязались к нам и очень помогли, когда мы в поисках затаившегося страха разломали перегородки в старинном доме и облазили все заросли вокруг. Они, правда, сразу грустнели, когда мы просили помочь нам отыскать Беннета и Тоби, потому что их собственный опыт говорил им, что жертвы страха исчезают навсегда. Мы же, зная, как много погибло их несчастных земляков, предчувствовали, что на этом дело не кончится, и ждали дальнейшего разворота событий.

Однако до конца октября ничего не случилось, и это весьма озадачивало нас. Стояли тихие, спокойные ночи, видимо, поэтому дремала и злая сила. Ничего не найдя в доме и его окрестностях, мы стали склоняться к мысли, что затаившийся страх – нематериальная субстанция. К сожалению, приход холодов мог сорвать все наши планы: было замечено, что зимой демон ведет себя спокойно. В палатке, которую мы поставили в брошенной деревушке, часто посещаемой страхом, воцарилось беспокойное ожидание.

Эта деревушка с дурной репутацией была безымянной, хотя существовала издавна, приютившись в расщелине между двумя возвышенностями – Коун-Маунтин и Марпл-хилл. Она стояла ближе к Марпл-хилл, и некоторые жители построили хижины прямо на склонах этого холма. В двух милях к северу начиналось подножье Горы Бурь, еще через милю – дубрава с укрывшимся в ней заброшенным особняком. Большая часть этого расстояния представляла собой открытую равнину, довольно плоскую, если не считать немногочисленных змеевидных холмиков, поросших травой. Зная рельеф местности, мы решили, что демон должен появиться со стороны Коун-Маунтин – южный ее склон подходил к западному отрогу Горы Бурь. Мы внимательно обследовали смещения почвы в том районе, где росло высокое дерево, расщепленное молнией в один из визитов демона.

Обследовав раз двадцать самым тщательным образом злосчастную деревушку, мы с Артуром Манро испытали сильное разочарование, к которому примешивался и неопределенный страх. Он был какого-то жуткого свойства – в самом деле, разве не странно, что после таких чудовищных событий не осталось ничего, что могло бы указать на виновника катастрофы? Вот и сейчас мы уныло бродили под мрачным свинцовым небом, испытывая смешанное чувство необходимости и одновременно бессмысленности наших действий. Наш осмотр и на этот раз был скрупулезнейшим: мы заново обошли каждую хижину, искали на склонах непогребенные тела, обследовали каждую яму, каждую норку – и все безрезультатно. И опять повсюду витал страх, как будто громадный крылатый грифон взирал на нас из космических бездн.

Тучи понемногу сгущались, и мы уже с трудом различали в сумерках отдельные предметы. Вдали слышались раскаты грома – над Горой Бурь собиралась гроза. Нас,

понятное дело, охватило волнение, хотя до ночи было еще далеко. Надеюсь, что гроза затянется и злая сила как-то себя проявит, мы оставили наши поиски на склоне и направились в сторону ближайшего обитаемого жилища в надежде уговорить скваттеров помочь нам. Наш авторитет заставил нескольких молодых людей преодолеть робость, и они дали согласие следовать за нами.

Но только мы двинулись в путь, как обрушился такой ливень, что какой-нибудь кров стал совершенно необходим. Тьма сгустилась, да настолько, что мы спотыкались на каждом шагу, и только отдельные вспышки молний да наше доскональное знание местности помогли нам добраться до полуразвалившейся хижины. Это было жалкое сооружение из досок и бревен; чудом сохранившаяся дверь и единственное окно выходили на Марпл-хилл. Закрыв дверь на засов, мы, наученные нашими помощниками, затворили также и ставни, укрывшись таким образом от дождя и резких порывов ветра. Уныло сидели мы на шатких ящиках в полной темноте, только огоньки трубок да изредка свет фонарика оживляли гнетущую атмосферу. Время от времени мы видели сквозь щели в стене блеск молний – темнота была столь густой, что их стрелы вырисовывались очень четко.

Это бдение в грозу вдруг напомнило мне незабываемую ночь на Горе Бурь. Поежившись от страха, я в очередной раз задал себе вопрос, на который пока не мог ответить: почему демон из трех сидевших в засаде людей уничтожил двух по краям и оставил того, что был в середине? Почему он так внезапно исчез после электрического разряда чудовищной силы? Почему нарушил последовательность и не забрал меня вторым? Что скрывалось за этим? Может, он знал, что я зачинщик, и готовит мне участь пострашнее?

Прервав мои размышления, а вернее, внося в них дополнительный драматизм, все небо прорезала огромная молния, за которой последовал удар грома, сотрясший землю. Одновременно поднялся сильный ветер, его завывания нарастали в зловещем крещендо. Мы были убеждены, что молния вновь ударила в одинокое дерево на склоне Марпл-хилл, и Манро, поднявшись, подошел к крошечному окошку удостовериться в этом. Ветер и дождь ворвались в открытые им ставни с оглушительным ревом, и я не смог расслышать произнесенных им слов. Проверая, насколько значительны разрушения, он высунулся из окна и замер, как бы вглядываясь во что-то.

Вскоре ветер утих и мрак рассеялся. Буря кончилась. Мои надежды на то, что она продлится и ночью, не оправдались, и как бы в подтверждение этого сквозь щели пробился слабый солнечный лучик. Считаю, что свет нам не повредит, даже если ливень начнется снова, я снял засов и распахнул грубо сколоченную дверь. Земля снаружи превратилась в сплошное месиво, а ливень приносил со склонов все новые потоки грязи. Однако ничего такого, что объяснило бы, почему мой друг так долго не отходит от окна, я не увидел. Подойдя поближе, я дотронулся до его плеча – он не шевелился. Тогда я шутливо потряс его и повернул к себе... И тут же почувствовал, как меня начинает душить несказанный ужас, наплывающий откуда-то из глубины столетий, из бездонных краев ночи, существующей во веки веков.

Артур Манро был мертв. А его голова – вернее лицевая ее часть – была изуверски выедена.

III. Что означал ослепительный блеск

В ночь на 8 ноября 1921 года, когда бушевала такая страшная гроза, что казалось, небеса разверзлись, я при тусклом свете лампы раскапывал, сам не зная зачем, могилу Яна Мартенса. Я принялся за дело после обеда, когда понял, что собирается буря, и теперь радовался неистовой стихии, безжалостно рвущей и уносящей с собой столь роскошную в этой местности листву.

Думаю, что после событий 5 августа я несколько тронулся рассудком. Дьявольская тень в особняке, затем страшное нервное напряжение в течение долгого времени, разочарование и, наконец, трагедия в хижине в ту октябрьскую ночь – согласитесь, всего этого многовато для одного человека. И вот теперь я разрывал могилу Мартенса, чтобы понять, почему погиб Артур Манро. Все же остальные, кто, как и я, не могут этого уразуметь, пусть считают, что убийца где-то странствует. Мы облазили все вокруг, но так и не нашли его. Скваттеры наверняка что-то предполагали, но я, не желая их еще больше запугивать, не говорил с ними об этой смерти. Сам же я очерствел. Шок, пережитый мною в особняке, сказался на моем рассудке, и я думал только о том, как отыскать этот затаившийся страх, выросший в моем сознании до фантазмагорических размеров. Но теперь, помня о судьбе Манро, я поклялся действовать в одиночку.

Один лишь вид раскопанной могилы вывел бы нормального человека из равновесия. Мрачные старые деревья неестественных размеров и форм склонялись надо мной, как своды нечестивого храма друидов. Гром и зловещий шум ветра стихали под ними, почти не пропускали они и дождевых струй. За иссеченными молнией могучими стволами вырисовывался в слабых отблесках света контур заброшенного особняка, утопающего в мокром плюще. Немного поодаль был разбит голландский сад, теперь основательно запущенный, его гряды и клумбы сплошь заросли бледной зловонной растительностью, почти никогда не видевшей дневного света. Рядом раскинулось кладбище, все в искривленных деревьях, уродливые ветви которых, казалось, питались ядом от залежавших в неосвященной земле корней. Под густым коричневатым слоем листвы, гниющей во мраке этого первобытного леса, я видел то тут, то там пугающие очертания низких надгробий.

Сама история привела меня к этой старой могиле. История – вот что осталось мне после того, как все остальное потонуло в жутком оскале сатанизма. Теперь я считал, что затаившийся страх – не материальная субстанция, а призрачный оборотень, рожденный ночной молнией. Исходя из преданий и документов, раздобытых мной вместе с Артуром Манро, этим призраком мог быть Ян Мартенс, скончавшийся в 1762 году. Поэтому-то я и рылся, видимо, бессмысленно, в его могиле.

Особняк Мартенсов был возведен Герритом Мартенсом, богатым купцом из Нового Амстердама, не смирившимся с переменами, которые принесло английское владычество. Он построил это величественное здание на горе, в уединенном лесном районе, приглянувшемся ему своей девственной первозданностью. Единственным существенным недостатком здесь были частые и сильные грозы. Когда Мартенс выбирал

место и затем строил, он полагал, что эти природные явления – особенность текущего года, но со временем понял, что ошибся. Убедившись, что грозы неблагоприятно действуют на его сосуды, он выстроил себе подвальное помещение, куда спускался всякий раз с приближением грозы.

О потомках Геррита Мартенса известно еще меньше, чем о нем самом. Они ненавидели все английское и сторонились тех колонистов, которые приняли новые порядки. Их жизнь протекала в строгом уединении, и, по слухам, изоляция плохо сказывалась на их умственных способностях и речи. У всех членов семейства была наследственная особенность – разные глаза: один голубой, другой карий. Их контакты с внешней средой слабели с каждым годом – они даже жен себе брали из собственной челяди. Многочисленные отпрыски семейства стали явными вырожденцами. Одни, спускаясь в долину, смешивались с метисами и вливались в ту среду, которая поставляла скваттеров. Другие, напротив, не покидали родовое гнездо, мрачно пестуя свою обособленность от остального мира и все чувствительней реагируя на грозы.

Многое о жизни этой семьи стало известно от молодого Яна Мартенса – влекомый беспокойной своей натурой, он вступил в армию колонистов, когда слухи о съезде в Олбани достигли Горы Бурь. Он первым из потомков Геррита повидал мир, и когда спустя шесть лет вернулся домой, то стал объектом ненависти домочадцев, которые смотрели на него как на чужака, хотя у него, как и у всех Мартенсов, были разные глаза. Да и сам он с трудом выносил теперь странный, полный нелепых предрассудков уклад семейства; не вызывали у него бывшего восторга и грозы в горах. Все приводило его в уныние, и он часто писал другу в Олбани, что собирается покинуть родной кров.

Весной 1763 года Джонатан Джиффорд, друг Яна Мартенса, живший в Олбани, давно не получая от него писем, забеспокоился, тем более что знал о сложных отношениях и частых ссорах в доме Мартенсов. Решив лично убедиться, что там все в порядке, он отправился верхом в горы. Из его дневника следует, что до Горы Бурь он добрался 20 сентября. Его поразила обветшалость здания, но еще больше – угрюмые разноглазые Мартенсы с их диковатыми, звериными повадками; они-то и поведали ему на ломаном, изобилующем гортанными звуками английском языке, что Ян умер. По их словам, еще прошлой осенью его убило молнией. Похоронили его здесь же, неподалеку от заросшего сорняками сада; хозяева показали гостю и могилу – голый холмик без всякого памятника. Что-то в поведении Мартенсов покорило Джиффорда и вызвало подозрения. Через неделю он тайно вернулся в эти места с лопатой и киркой. Разрыв могилу, он увидел то, что и предполагал, – череп его друга был жестоко проломлен в нескольких местах. Вернувшись в Олбани, Джиффорд возбудил против Мартенсов уголовное дело, обвиняя их в убийстве родственника.

Хотя прямых улик не хватило, слухи об убийстве распространились по округе, и с тех пор Мартенсов подвергли остракизму. Никто не хотел иметь с ними дело, а от самого дома старались держаться подальше, считая его проклятым местом. Мартенсам все же удавалось как-то сводить концы с концами за счет натурального хозяйства, и долгое время об их существовании говорили лишь огоньки, загоравшиеся по вечерам высоко в горах. Со временем они светились все реже, а с 1810 года и вовсе перестали загораться.

Постепенно дом и сама местность вокруг обросли страшными легендами. Напуганные жуткими рассказами, люди обходили его стороной. Так продолжалось до 1816 года, когда скваттеры вдруг спохватились, что огней на горе уже давно не видно. К дому направилась группа добровольцев, которая нашла его пустым и уже изрядно обветшалым.

Отсутствие скелетов и недавних захоронений наводило на мысль, что обитатели не вымерли, а переселились в другое место. Это случилось, видимо, несколько лет назад. Многочисленные пристройки к дому говорили о том, что перед своим исходом семейство Мартенсов было весьма многочисленным. Судя по всему, они совсем опустели, об этом говорили и обшарпанная мебель, и разбросанное столовое серебро, которое, похоже, не чистилось годами. Но хотя ненавистные Мартенсы и ушли, страх, связанный с их домом, остался и даже возрос, а среди жителей гор распространились новые жуткие слухи. Дом же продолжал стоять – заброшенный, вызывающий ужас, прибежище мстительного духа Яна Мартенса; таким он стоял и в ту ночь, когда я разрывал могилу.

Я назвал свое занятие бессмысленным, и оно действительно ни к чему не привело. Гроб Яна Мартенса показался довольно скоро, но в нем не было ничего, кроме горсти праха. Однако я, одержимый яростной решимостью отыскать его восстающий дух, продолжал все глубже зарываться в землю. Мне и самому было непонятно, что я надеялся увидеть, одно лишь знал: я раскапываю могилу человека, чей дух рыщет вокруг по ночам.

Я копал и копал, не имея представления, какой уже достиг глубины, как вдруг моя лопата, а за ней и ноги провалились под землю. Меня сковал ужас. Существование подземелья подтверждало мои самые сумасшедшие предположения. При падении потухла лампа, но с помощью электрического фонарика я сумел-таки осмотреть узкий подземный ход, расходящийся в две стороны. Мужчина моей комплекции мог пробираться по нему лишь ползком, и хотя ни один человек, будучи в здравом уме, не решился бы на это, особенно ночью, я, забыв об опасности, не слушая доводов рассудка и не обращая внимания на грязь, опустился на колени, охваченный одним желанием: повстречаться наконец с затаившимся страхом. Решив ползти по направлению к дому, я бесстрашно протиснулся в узкую нору и, извиваясь, быстро пополз вперед в полной темноте, лишь изредка освещая путь фонариком, который держал перед собой.

Не найдется слов, чтобы описать затерянного в глубинах земли человека, описать, как он ползет, извиваясь, царапая комья глины, – с удушливым хрипом прокладывает безумец путь среди витков ночного мрака, не имея представления ни о времени, ни о последствиях своих действий, не зная ни направления, ни конечной цели. Это за пределами человеческого понимания, но именно так я поступил. Я полз так долго, что забыл свою прошлую жизнь, превратившись, казалось, в существо из темных глубин – крота или червя. Лишь случайно, после долгого перерыва, я включил фонарик, о котором совсем забыл, и неровная глиняная поверхность уходящей вдаль норы зловеще осветилась.

Некоторое время я полз в одном направлении, теперь уже экономя батарейки, но затем ход резко свернул вверх. И вдруг впереди я неожиданно увидел что-то вроде двух горящих в темноте дьявольских копий моего гаснущего фонарика. Излучаемый ими свет гипнотически подействовал на меня, будя какие-то неясные воспоминания. Я непроизвольно замер, вместо того чтобы отпрянуть. Глаза все приближались. Я не мог

различить весь облик существа, которому они принадлежали, зато хорошо видел его когти. Вот это было зрелище! Вдруг над моей головой послышался отдаленный шум. Это был грохот грома, вскоре усилившийся до оглушительных раскатов, – значит, я основательно продвинулся вверх, совсем близко к поверхности. Гром гремел, а глаза все смотрели на меня с тупой злобой.

Слава Богу, я не знал тогда, что это было, иначе наверняка умер бы от страха. Меня спас гром – один из тех раскатов, которые пробудили эту ужасную тварь: после томительной паузы с невидимых небес обрушился оглушительный удар, сотрясший горы. Такое здесь случалось и раньше, об этом говорили перевернутая земля, глубокие провалы и обнаженная горная порода. Молния с яростью циклопа била в землю прямо над дьявольским подземным ходом, оглушая меня и почти лишая сознания.

Земля сотрясалась и ходила ходуном, я же беспомощно копошился в ней, пока меня не выбросило на поверхность. Я лежал с мокрым от дождя лицом. Картина вокруг была знакомой – крутой юго-западный склон, почти лишенный растительности. Грозовые вспышки, охватывающие пламенем грозовое небо, освещали искореженную землю и то, что осталось от диковинного низкого холма, который прежде, причудливо извиваясь, тянулся сюда от лесистой части горы. Озираясь вокруг, я не мог понять: откуда меня выбросило, как я высвободился из губительной ловушки? Сумятица в моей голове не уступала хаосу в природе, и когда на южном склоне вспыхнуло ослепительное алое зарево, я еще не осознал, чего мне удалось избежать.

Уяснил я это только два дня спустя, когда скваттеры рассказали мне, что означала та вспышка яркого пламени. Вот тут-то меня охватил настоящий ужас – больше, чем при встрече в подземелье с обладателем страшных глаз и когтей. Их рассказ мог хоть кого напугать до смерти. В деревушке на расстоянии двадцати миль от того места, где меня выбросило на поверхность, после оглушительного раската грома последовала очередная оргия страха: омерзительного вида существо спрыгнуло с искривленного дерева на ветхую крышу одной из хижин. Оно успело сделать свое черное дело, но выбраться на волю не смогло – скваттеры в панике спалили хижину вместе с чудовищем. Как я понял, оно спрыгнуло с дерева как раз в тот момент, когда в другом месте земля погребла в себе нечто с ужасными когтями и горящими глазами.

IV. Ужасные глаза

Трудно счесть здоровым человека, который, зная столько, сколько знал я о зловещих делах, вершащихся на Горе Бурь, рвался бы туда снова – докопаться, что же за страх затаился там. Тот факт, что по меньшей мере два материальных воплощения страха были к тому времени уничтожены, давал лишь очень слабую гарантию психической и физической безопасности в этом Ахероне многоликого сатанизма, и все же я, несмотря ни на что, возобновил поиски с еще большим рвением.

Узнав два дня спустя после моей опасной подземной встречи с демоническим существом, что в тот самый миг, когда на меня смотрели ужасные глаза, в двадцати милях другое злобное существо готовилось к фатальному прыжку, я пережил очередной приступ неумемного страха. Впрочем, сопутствующие ему страстное любопытство и непонятное возбуждение делали этот страх почти сладостным. Так иногда посреди

ночного кошмара, когда невидимые силы несут тебя поверх загадочных мертвых городов к оскалившейся пасти Ниса, нет большего блаженства, чем с диким воплем броситься добровольно в ужасный водоворот сновидений и нестись, не думая о разверзшейся впереди бездне. Точно такие же чувства будил во мне таинственный, перемещающийся в пространстве страх Горы Бурь. Открыв, что там обитали два монстра, я ощутил необузданное желание взрыть всю тамошнюю землю, перекопать голыми руками и освободить наконец от смерти, отравляющей каждый ее дюйм.

Я снова поспешил на могилу Яна Мартенса и принялся рыть на прежнем месте. Однако земля завалила подземный ход, дождь уничтожил все следы моей прежней работы, и трудно было определить, на какой глубине этот ход начинается. Я предпринял также нелегкое путешествие к хижине, где сожгли смертоносное чудовище, но усилия мои не были вознаграждены. В пепле сохранилось несколько костей, но ни одна из них не принадлежала чудовищу. По словам скваттеров, все ограничилось одной жертвой, но они, очевидно, ошибались: помимо одного хорошо сохранившегося человеческого черепа я нашел остатки и другого. Хотя многие видели молниеносный бросок чудовища, никто не мог сказать, как оно выглядело, все говорили просто: дьявол. Внимательно осмотрев дерево, на котором оно пряталось, я не нашел ничего подозрительного. Попытался было отыскать возможные следы в темном лесу, но не смог вынести вида уродливых пней и змеевидных корней, зловеще сплетающихся, перед тем как навечно погрузиться в землю.

Затем я еще раз внимательно осмотрел ту брошенную хижину, которую страх посещал чаще всего и где Артур Манро увидел перед смертью нечто, его потрясшее, о чем не успел рассказать. Мои предыдущие осмотры, несмотря на все тщание, не принесли осязаемых результатов. Теперь же следовало проверить новую версию: невероятное путешествие под землей убедило меня, что по крайней мере одно из облиций чудовища – подземный монстр. И в памятный день 14 ноября я опять осматривал те склоны Коун-Маунтин и Марпл-хилл, которые спускались к печально прославившейся хижине, обращая особое внимание на свежие выбросы земли.

День поисков ничего не принес; сумерки застали меня на склоне Марпл-хилл, я стоял и задумчиво глядел в сторону хижины и Горы Бурь. Роскошный пламенный закат сменился лунным серебристым светом, разлившимся по долине, горным склонам и странным низким холмам, попадавшимися здесь особенно часто. Словом, идиллическая картина. Мне же она была отвратительна: уж я-то знал, что за ней скрывалось. Я равно ненавидел и эту ухмыляющуюся луну, и лицемерную равнину, и гниlostную гору, и эти зловещие холмы. Связанное гнусным союзом с невидимыми силами Зла, все вокруг, казалось мне, напоено ядом.

Устремив взор на залитую лунным светом землю, я вдруг явственно осознал, что в открывшейся предо мной картине есть некое единство. Не знакомый основательно с геологией, я все же с самых первых дней заинтересовался частыми в этой местности странными змеевидными холмами. Они располагались вокруг Горы Бурь, и в долине их было меньше, чем на самой возвышенности, где доисторическое оледенение мало препятствовало образованию этих причудливых, фантастических смещений коры. Теперь, при свете убывающей луны, отбрасывающей длинные таинственные тени, меня

поразило, что углы и линии этой своеобразной системы каким-то образом соотносились с вершиной Горы Бурь. Она, вне всяких сомнений, была центром, откуда во все стороны разбегались лучами эти странные холмы. Дом Мартенсов как бы распустил во все стороны ужасные щупальца... При мысли о щупальцах меня словно подбросило, и тут я впервые подверг критическому анализу свою версию о ледниковом происхождении здешних холмистых складок.

Чем больше я думал, тем менее вероятной представлялась мне эта версия. Мной овладела новая, ужасная и невероятная мысль, подсказанная и формой холмов, и тем, что я увидел под землей. Еще не вполне осознав свое открытие, я бессвязно бормотал, как в бреду: «Боже!.. Ячейки... проклятое место... должно быть, изрешечено сотами... множеством сот... и тогда ночью в особняке... они взяли сначала Беннета и Тоби... тех, кто был ближе... по краям». Не теряя времени, я начал судорожно раскапывать ближайший холм, испытывая отчаяние, страх и одновременно восторг... Так я копал, изредка выкрикивая нечто нечленораздельное, не в силах сдержать обуревавших меня чувств, пока не наткнулся на подземный ход или нору, подобную той, по которой я полз памятной ночью.

Потом я, помнится, бежал с лопатой в руках, бежал, объятый ужасом, по освещенным лунным светом холмистым лужайкам, а затем – по чахлому, призрачному леску, расположенному на крутом склоне, бежал, крича и отдуваясь, перепрыгивая через препятствия, бежал прямо к зловещему особняку Мартенсов. Дальше, помню, копал без всякой системы на развалинах заросшего шиповником подвала, надеясь отыскать центр этой злокачественной опухоли. Помню, как дико я расхохотался, наткнувшись на подземный ход у основания старой печи, где густо рос сочный высокий бурьян, отбрасывающий диковинные тени при свете зажженной мною свечи. Я еще не знал, обитает ли кто-нибудь в этом адском улье, таясь и ожидая грома, чтобы выйти наружу. Два монстра уже погибли, может, других и нет? Меня подгоняло острое желание разгадать наконец секрет страха, который, теперь я был убежден, является материальной, органической субстанцией.

Стоя в нерешительности, я размышлял, обследовать ли мне ход самому, прямо сейчас же, прибегнув к помощи электрического фонарика, или отложить поиски и набрать в подмогу группу скваттеров-добровольцев. Вдруг резкий порыв ветра, прервав мои мысли, задул свечу, оставив меня в полной темноте. Лунный свет не проникал в подвал сквозь щели и отверстия в крыше, и тут, охваченный тревожным предчувствием, я услышал леденящие душу раскаты грома, полные для меня теперь нового значения. Повинуясь отчетливо осознанной необходимости спрятаться подальше, я на ощупь пробрался в дальний угол подвала, не сводя, однако, глаз с вырытой рядом с печью ямы. При вспышках молний я мог различать разрушенную временем кирпичную кладку и неестественно пышную растительность. Меня охватили одновременно ужас и любопытство. Что на этот раз вызовет к жизни гроза? Или под землей уже ничего не осталось? После одной ослепительной вспышки я, осмотревшись, перебрался в другое место и спрятался среди особенно густой поросли. Отсюда была хорошо видна яма, сам же я оказался под надежным прикрытием.

Если Провидение будет благосклонно ко мне, то оно вытравит из моей памяти

увиденное в ту ночь и даст спокойно дожидаться конца моих дней. Ведь стоит мне теперь услышать отдаленный гром, я не могу уснуть и принимаю успокоительное.

Все началось мгновенно и неожиданно. Демон, напоминающий своим видом крысу, похрюкивая и сопя, вырвался на волю из далеких, неведомых бездн. А вслед за ним из той же ямы выкатилось множество всякой нечисти, целое сонмище мерзких уродцев – гнусные порождения ночи. Самое извращенное воображение не смогло бы породить ничего подобного. Клубясь, они вылетали из зияющего отверстия – кипящий, бурлящий, бушующий фонтан – и, подобно заразе, мгновенно заполнили все вокруг. Они лезли через щели наружу и устремлялись далее, неся с собой в проклятые леса ужас, безумие и смерть.

Бог знает, сколько их там было – должно быть, тысячи. Этот нескончаемый поток, который я различал при слабых вспышках молний, сковал мое сердце страхом. Когда же поток стал редеть, из сплошной массы начали выделяться отдельные особи. Это были уродливые волосатые чертенята, а может, и обезьяны – дьявольские карикатуры на этих уважаемых животных. От их молчания мороз пробежал по коже. Даже когда один из отставших привычно, отработанным приемом ухватил более слабого, чтобы им закусить, даже тогда я не услышал ни звука. Остальные с жадностью набросились на остатки этого безмолвного пиршества. И вот тогда, несмотря на отвращение и страх, любопытство, которое все это время направляло мои поиски, взяло верх. Я вытащил пистолет и, когда последний из уродцев выбрался наружу из неведомого кошмарного мира, пристрелил его под прикрытием грома.

Пронзительный визг... упоение кровавой охотой... мятущиеся тени, преследующие друг друга в ярких коридорах, прорезаемых молниями... бесплотные призраки, калейдоскопические смены омерзительных сцен... лес и в нем патологически пышные, перекормленные дубы, чьи змеевидные, сплетенные корни тянут неведомые соки из земли, кишачей миллионами дьявольских существ, пожирающих друг друга... замаскированные под холмы щупальца, протянувшиеся из самого центра подземного злокачественного образования... невиданные по силе грозы, бушующие над заросшими плющом мрачными стенами и аркадами, утопающими в пышных зарослях... К счастью, инстинкт привел меня, от страха почти лишившегося чувств, к людям – в мирную деревушку, безмятежно спавшую в мерцании звезд на побледневшем уже небе.

Через неделю я настолько оправился от потрясения, что послал в Олбани за людьми, которым поручил взорвать динамитом дом Мартенсов вместе с вершиной Горы Бурь. Они же должны были уничтожить все подземные ходы под змеевидными холмами, а также выкорчевать перекормленные дубы с пышными кронами, один вид которых мог повергнуть в безумие. Только после завершения этих работ я стал иногда понемногу спать, хотя с тех пор, зная тайну затаившегося страха, уже никогда не мог спать спокойно. Меня преследовала мысль: а вдруг не вся нечисть погибла? И кто знает, не может ли нечто подобное возникнуть еще где-нибудь? Трудно без страха размышлять о неведомых земных кавернах, обладая моим знанием. До сих пор я не могу без содрогания видеть колодец или вход в метро... Ну почему доктора не дадут мне какое-нибудь лекарство, чтобы я наконец нормально уснул, почему не успокоят пылающий мозг?

Разгадка тайны, открывшаяся мне во время вспышки, когда я выстрелил в молчаливое, отставшее от других существо, оказалась настолько проста, что прошла по меньшей мере минута, прежде чем я все осознал. Вот тогда-то меня и обуял подлинный ужас. У этого омерзительного гориллоподобного уродца была сизоватая кожа, желтые клыки и свалывшиеся волосы. Явно предел вырождения – плачевный результат изолированного существования, родственных браков и каннибализма; живое воплощение хаоса и звериного оскала страха, таящихся под землей. Уродец глядел на меня в предсмертной агонии, и его глаза своей необычностью напомнили мне другие, виденные под землей и пробудившие тогда неясные воспоминания. Один глаз был голубой, другой – карий. Именно такими, согласно преданьям, были глаза Мартенсов. И тогда в приступе безмолвного ужаса я понял, что случилось с исчезнувшей семьей, с этим проклятым домом Мартенсов, ввергнутым в безумие громами.

Перевод: Александра Сергеева

2016 год